

2. Белов, В.И. Привычное дело / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2011. – Т. 2.

3. Белов, В.И. Ремесло отчуждения / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2012. – Т. 7.

4. Евсеев, В.Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.02. [Электронный ресурс] / Евсеев В.Н. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/>

А.В. Фёдорова
ВоГУ, г. Вологда

ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ «ВЕЩНЫХ ОБРАЗОВ» В ПОВЕСТИ В. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*

Все элементы структуры литературного произведения подчинены решению одной задачи: сформировать представление о человеке, о его типических и индивидуальных свойствах, ценностных ориентирах, нравственных установках, эмоциональных проявлениях, поведенческих особенностях и т.д. Одним из наиболее продуктивных принципов изображения персонажа становится его контакт с вещным миром, поскольку вещь является элементом не только материально-вещественной, но и идеально-духовной парадигмы сознания автора, повествователя и персонажа.

Чаще всего под вещным миром принято понимать совокупность именно материальных объектов, организующих среду бытового существования персонажей. Это среда материальная, однако формируется она с учетом знаковости каждого создающего ее вещного образа, его семантического потенциала, множественности соотносимых с отдельным образом значений. Вещь формирует представление о специфике социального и национального быта и бытия, дает нравственно-психологическую оценку герою, «вписывает» его в определенный историко-культурный процесс, являясь материальным хранителем памяти человека или группы людей (например, семьи), акцентирует ментальные качества: «Вещь обретает дар говорить не только о себе, но и о том, что выше ее и что больше связано с человеческим, нежели с вещным. Следовательно, вещь свидетельствует и о человеке в ряде важных аспектов его бытия» [3].

С помощью вещей создаются семантические поля отдельных персонажей, вступающих во взаимодействие на «вещном» уровне: обмен, подарки, купля-продажа и проч. Предметы выступают в функции «двигателей» сю-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

жета, с их помощью конструируется пространственный уровень, они могут становиться способом измерения времени.

Заглавие повести В. Белова «Привычное дело» (1966–1967) реализует свои значения на всех уровнях художественной структуры произведения, в том числе проецируется и на «вещный» мир.

Интегральный признак персонажей – их соотносительность с деревней, особым типом пространства в русской литературе, отличительным признаком которого является упорядоченность общей жизни, ненарушаемость бытового уклада, размеренность и определенность действий, совпадение «биоритмов» мира и человека. Именно эти мотивы эксплицированы в заглавии.

Главный герой повести – Иван Африканович Дрынов – является носителем характерных для крестьянина представлений о человеке и его месте в мире. Думается, он может быть назван персонажем-обстоятельством, если понимать под этим термином героя, который «неукоснительно соблюдает правила и предписания <...> среды» [1, с. 104], соответствует обстоятельствам жизни, этой средой вырабатываемым.

Устами Дрынова дается оценка различных жизненных ситуаций как «привычного дела», он относится ко всему, что происходит, как к чему-то само собой разумеющемуся. Даже на войне, в экстремальных обстоятельствах, это качество героя является определяющим (случайное спасение, четкое выполнение приказа в разведке, письма матери он начинает писать только после того, как товарищи устроили ему «темную»). Те же качества личности проявляются по возвращении с фронта во время сватовства (когда после ложного сообщения о пожаре в Сосновке Катерина с Нюшкой убегают в свою деревню, мать запирает ворота и Дрынов, прошедший войну, не может выйти со двора, первый раз женится на девушке, выбранной матерью).

Подобные сюжетные мотивы многократно повторяются и в настоящем: напившегося и бегавшего с еловым колом по деревне Дрынова связывают мужики. У него дважды отбирают накошенное для своей коровы сено. Безбилетного, его саживают с поезда и штрафуют, он заблудится в лесу и в какой-то момент почти смирится с неизбежностью смерти. Все это говорит о нежелании или неспособности изменить линию очерченного круга жизни. Дрынов не столько субъект действия, сколько объект приложения силы обстоятельств.

Эту особенность героя фиксирует и повествователь в предпоследней главе «Ветрено, так ветрено»: «Уж так повелось, что всю его судьбу решали всегда без него» [2, 112] (курсив мой. – А. Ф.).

Предметный мир повести конструируется с учетом характерологии персонажа, сама фамилия которого позволяет говорить об «антропоцентрической перспективе» (В.Н. Топоров) вещей: дрын в просторечии и в русских говорах – тяжелая палка, часто используемая в драке.

Содержание и функционирование вещных образов в повести прямо зависит от обстоятельств, в которых оказывается человек.

Можно наметить три условных принципа соотношения вещи и обстоятельств ее функционирования:

1. Привычная вещь в привычных обстоятельствах;
2. Привычная вещь в непривычных обстоятельствах;
3. Непривычная вещь в привычных обстоятельствах.

К первой группе относятся предметы, являющиеся частью крестьянской жизни: еда, выпивка, курево, одежда, орудия труда, хозяйственные приспособления. Такие предметы практически никогда не описываются в тексте. Повествователю достаточно их упоминания как естественных элементов деревенского быта. Прежде всего, это касается орудий труда: топор, коса, оселок, грабли, молоток, пила-поперешка, ухват, лопата и др. Отношение (бережное или небрежное) к этим вещам – важный характерологический прием, позволяющий оценить человека с точки зрения его соответствия или несоответствия нормам сельской жизни. Например, Дрынов, Катерина, бабка Евстоля почти всегда изображаются в ситуации домашней или колхозной работы. Используемые в ней предметы им безоговорочно подчиняются. В то же время при создании образа Дашки Путанки или Мишки устойчив мотив отчуждения, «непослушания» вещей (Дашка бросает ведра, убегая из телятника, упускает ведро в колодце, а у ее будущего мужа выходит из строя техника в разгар полевых работ).

«Непривычными» для бытования вещи обстоятельствами являются ситуации, когда человек нарушает границы жизненного круга. Внутри второй группы можно выделить три основных способа функционирования предметов.

Во-первых, использование не по назначению. В правлении колхоза Дрынов хватает кочергу и идет с ней на председателя, требуя справку для получения паспорта. Бытовой предмет выполняет несвойственную для него функцию – оружие. И эмоциональное состояние Ивана Африкановича соответствующее: «У него вдруг, как тогда, на фронте, когда прижимался перед атакой к глинистой бровке, как тогда, застыли, онемели глаза и какая-то радостная удаль сковала готовые к безумной работе мускулы» [2, с. 88]. В начале повести есть комическая сюжетная параллель этой сцене: Иван Африканович, выступивший в роли свата, и незадачливый жених изгоняются Нюшкой из дома с помощью ухвата. Два мешка лука, взятые

на продажу, не обеспечат свободы передвижения, а, напротив, затруднят путешествие (один мешок Иван Африканович и Митька пропьют по дороге на станцию; пытаясь сбыть второй, шурин отстанет от поезда, а безбилетный Дрынов получит штраф).

Во-вторых, вещи усиливают эффект комической неразберихи, путаницы: после того как Нюшка выставит вон «сватов», они заночуют в чужой бане, и непрострезвевший Африканович утром случайно наденет Мипкины штаны, а его приятель явится в деревню в дрыновских, в кармане которых и обнаружится потерянная накладная на испорченный товар.

В-третьих, сюда относятся вещи, меняющие семантику при нарушении норм поведения, установленных в привычном жизненном пространстве героя либо при пересечении его границы. Каждодневная одежда персонажей не имеет выраженных признаков (формы, цвета, запаха). Однако после измены Дрынова жене чувство греха, стыда, вины опредмечивается с помощью одного из двух ярких пятен в «вещном» мире повести: разорванной красной рубахи. Одежда и обувь становятся неудобными, когда герой возвращается домой, еще не зная о смерти жены: «успел-таки натоптать две водянистые мозоли, ноги в яловых сапогах взмокли, рубаха хоть выжми. Да и грязная вся рубаха-то. Стыд, ежели кто знакомый встретится» [2, с. 94–95]. Второе запоминающееся цветочное пятно – полотенце с красным петухом – одна из немногих вещных деталей «с историей». Катерина подает его мужу в своей избе в Сосновке, и спустя годы, перемещенная в дом Дрынова, эта вещь хранит эмоциональную память о прошлом: «...теперь, когда она стирала или катала это полотенце, то всегда вспоминала медовый месяц, и того петуха, и то время, когда они с мужем обнимались днем за шкапом и самовар шумел у шестка» [2, с. 38].

Катеринин платок, найденный Иваном Африкановичем в лесу спустя несколько недель после смерти жены, вопреки законам реальности, сохраняет ее запах. Данный предмет функционально соотносится с вещной организацией волшебной сказки, выступая в роли посредника между миром живых и мертвых. Через платок Дрынов пьет болотную воду, и с этого момента начинается его долгое и опасное плутание по лесу, в смысловой структуре повести рассматриваемому как коррелят небытия.

Вообще более-менее подробные описания одежды даются в связи с особенными (ритуальными) событиями в судьбе героев: сватовство, свадьба, смерть Катерины. Заметим, что в гробу жена Дрынова лежит в шерстяном платье, сшитом из отреза, которым ее наградили за «ударный труд». В данном случае можно говорить о горько-ироническом «остранении» (термин В.Б. Шкловского) вещной детали, поскольку Катерина умирает, надорвавшись на колхозной работе.

Именно с помощью приема «остранения» вводятся в текст вещи, представляющие третью группу. Несколько раз персонажи сталкиваются с предметами, значения которых им непонятны, поскольку эти вещи несут в себе культурный код, не связанный с деревенским бытом. Поэтому либо необходима дешифровка, «перевод» на доступный язык, либо предмет должен быть приспособлен к новой реальности, для чего его требуется сначала разрушить. Так, жители деревни рассматривают привезенные из сельпо товары. Название шоколада «Отелло», литературный источник которого для них неизвестен, прочитывается как «Отёлло», соотносясь, за счет «народной этимологии», с отёлом коров. Репродукция картины Рубенса «Союз Земли и воды», вызвавшая сначала стыдливую и одновременно агрессивную реакцию сельчан, плюющихся при виде обнаженной натуры, куплена одной из баб ради рамки «для патрета» и тут же вырвана из рамы Мишкой и пристроена на лобовое стекло трактора.

Специально стоит сказать о тех вещах, которые, будучи прочно связанными на уровне именованности с понятными крестьянам образами живой природы и сказочными персонажами, не имеют практического смысла. Это касается детских игрушек «Гусь озерный» и «Лиса-Патрикеевна», привезенных на продажу в деревню. Названия вызывают любопытство, но никто их не покупает, поскольку с точки зрения деревенского жителя эти игрушки – замена живого и знакомого неживым, овеществленным. Существенно отличаются от обезличенных «магазинных» игрушек те дары, которые Дрынов собирает в лесу для своих детей: «срезал острием топора гроздь изумрудной княжицы – гостинцем будет от лисоньки для Маруси. Потом сорвал шляпку ядреного боровичка, это для Гришки, для Кати взял с дерева янтарной живицы. Все клал в сумку – радостей дома не оберешься от этих лесных гостинцев» [2, с. 115]. В данном случае важна эмоциональная реакция ребенка в предполагаемой ситуации дарения, поскольку каждый подарок индивидуален. Они связаны с миром природы и со сказкой: подарок «от лисоньки», живица как функциональный аналог живой воды.

Особое значение в ряду «непривычных» для деревни вещей имеет орден Славы, деталь, говорящая о фронтовом прошлом Дрынова (этого орден солдат мог быть удостоен только за личное мужество). Иван Африканович о войне вспоминает буднично, как о трудной работе, и ценности награды не осознает: орден становится то ли игрушкой, то ли частью неряшливого костюма шестилетнего сына: «Короткие Васькины штаны лямками крест-накрест глядят назад портошинками, и от этого Васька похож на зайца. Полосатая замазанная рубашонка выехала спереди, и на ней, на самом Васькином пузе, болтается орден Славы» [2, с. 48]. Такая профанация награды объясняется изменившимися обстоятельствами жизни быв-

шего разведчика: зарабатывает он мало, его штрафуют, вычитают из пособия на девятого ребенка деньги за сломанные самовары, попрекают, когда Дрынов пытается накосить сена для своей коровы, грозят неприятностями, требуют донести на соседей и т.д.

По-настоящему важны для Дрынова только «невещественные» вещи, определяющие не материальный, а духовный план его существования. Герой сам формулирует эту жизненную философию в диалоге с шурином: «Иди ты... покупатель! Привыкли все покупать, все у тебя стало продажное. А ежели мне не надо продажного? Ежели я непокупного хочу?» [2, с. 84].

Отдельно хотелось бы остановиться на функции «невещественного» предмета, существующего в тексте только на уровне замысла героя. Незадолго до сорочин Дрынов отправляется в лес за осиною для новой лодки. В мифопоэтике лодка традиционно рассматривается как способ переправы в мир мертвых. Навязчивая мысль о лодке заставляет героя переместиться в пространство, где он едва не погибнет. Смерть явится ему в образе всеенского потопа, вписывая жизненную драму отдельного человека в широкий мифологический контекст: «Ивану Африкановичу в забытии чудилось, что <...> катится на него широкий, безбрежный водяной вал, выламывающий подряд многие деревья и смыывающий все на своей дороге» [2, с. 118]. Дрынов явственно представляет себя мертвецом: «Рысь либо росомаха выгрызут у мертвого щеки, обгложут кисти рук. Домой принесут легкого, чужого, а то и тут зарюют, прямо в лесу» [там же]. Сuggestивность восходящих к мифопоэтике элементов в данном эпизоде позволяет предположить, что и само дерево, присмотренное героем для лодки-долблѐнки, обладает соответствующими значениями. В народном сознании с образом осины связаны мотивы страха (дрожать, как осиновый лист), предательства и смерти (Иудино дерево), крестной муки (из этого дерева был сделан крест, на котором распяли Христа).

Можно говорить и еще об одном значении этого образа, имеющем языческие корни: мировое дерево, точка пересечения вертикальной и горизонтальной координат мироздания. Этот символ широко распространен в славянской культуре, в том числе в бытовой сфере: вышитый и тканый орнамент в одежде, лубочные картинки и т.д. Даже мысленное покушение на мировое дерево таит в себе смертельную опасность.

Вернувшись в деревню, Дрынов больше не вспомнит о своей *idée fixe*, и только теперь станет возможным для него примирение с жизнью. Позднее, в романе «Кануны» (1972), Белов вновь обратится к этому сюжетному мотиву. Павел Рогов осуществит действие, от которого отказался Дрынов, – завалит огромную сосну, чтобы построить мельницу. Это событие станет точкой невозврата и в его собственной судьбе, и в судьбах других жителей

деревни, помогавших Рогову, и приведет в конце концов к разрушению всего крестьянского мира.

Специфика вещного мира в повести В. Белова найдет продолжение и в дальнейшем творчестве писателя, в том числе в трилогии «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый». Впрочем, в этих произведениях появится еще одна предметная группа: непривычная вещь в непривычных обстоятельствах. Персонажи трилогии станут свидетелями и невольными участниками коллективизации – исторической трагедии, которая переместит многих из них в чуждое в ценностном отношении пространство города, разрушив естественную среду и столкнув с совершенно новой реальностью. В «Привычном деле», опубликованном за пять лет до первого романа трилогии, показаны результаты этой катастрофы.

Литература

1. Баранов, С.Ю. Специфика искусства и анализ литературного произведения / С.Ю. Баранов. – Вологда: Вологодский гос. пед. институт, 1988.

2. Белов, В.И. Привычное дело // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. / В.И. Белов. – М.: Классика, 2011. – Т. 2.

3. Топоров, В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе [Электронный ресурс] / В.Н. Топоров. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru>.

С.Ю. Баранов
ВоГУ, г. Вологда

КАРНАВАЛЬНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*

После выхода в свет в 1965 году первого издания книги М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» понятие «карнавал» обрело статус фундаментальной мировоззренческой категории и стало широко использоваться в исследованиях по теории и истории культуры. Диапазон его применения неуклонно расширялся, не ограничиваясь европейским средневековьем и Эпохой Возрождения, охватывая все новые и новые сферы культурной жизни, все новые и новые периоды развития общества. Повод для экспансии разработанного им понятия дал сам Бахтин, обращаясь в книге о Рабле и в других работах к материалу разных культур и эпох. Симптомы карнавального мироощущения обнаруживались и самим автором книги о Рабле, и его последователями на

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).